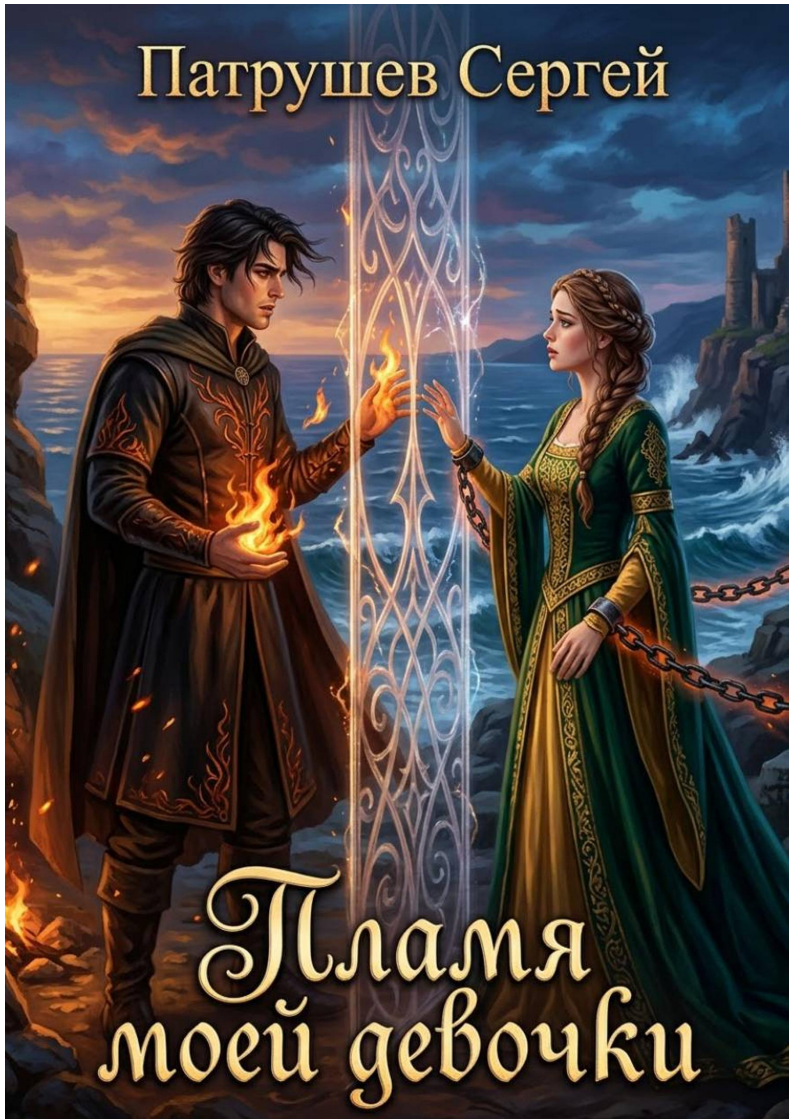

Патрушев Сергей

Пламя
моей девочки

Сергей Патрушев

Пламя моей девочки

<https://litres.ru/74641352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он огонь, который не должен был гореть для неё.

Кайон, талантливый маг из среднего дворянства, привык побеждать пламенем, но встреча с Беллой превратила его силу в уязвимость. «Почему сердце выбирает того, кого запрещает мой мир?» — шепчет она, глядя на море. «Я готов сгореть, лишь бы она не стала чужой», — думает он.

Их любовь тайна, их встречи — краденое счастье. За спиной насмешки, титулы и воля отца, впереди выбор: погасить чувства или рискнуть всем.

Она боится потерять его. Он боится не успеть доказать, что достоин. Но у огня нет пути назад. «Девочка моя», — шепчет Кайон. И море отвечает ей его пламенем.

Содержание

Глава 1. Искра в академии	4
Глава 2. Огонь и лёд	23
Глава 3. Совет мастера	37
Глава 4. Публичный отказ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сергей Патрушев

Пламя моей девочки

Глава 1. Искра в академии

Воздух в Арене Испытаний дрожал от зноя, хотя каменные своды подземелья не видели солнца уже несколько столетий. Пахло озоном, раскаленным гранитом и едким потом двух десятков студентов. Кайон стоял в центре начертанного мелом круга, чувствуя, как вибрирует под босыми ступнями древняя магическая плита. Его рубашка на спине промокла насквозь, но лицо оставалось спокойным, почти отрешенным.

Напротив него, в десяти шагах, возвышалась мишень. Обычный деревянный щит, на котором куском угля был грубо намалеван силуэт человека. Для большинства первокурсников это было непреодолимое препятствие. Для второкурсников — рутина. Кайон был на третьем, выпускном курсе, и деревянный щит казался ему оскорблением.

— Время пошло, — проскрежетал голос Мастера Дрейка. Старый магистр огня стоял у края арены, скрестив руки на груди. Его лицо, испещренное шрамами от собственных же экспериментов, напоминало выжженную пустошь. Дрейк никогда не улыбался. Говорили, что в последний раз он де-

лал это в день Великого Раскола, когда половина континента ушла под воду. Кайон в это верил. Он видел, как двигаются желваки на скулах наставника — единственный признак того, что Дрейк вообще жив.

Кайон закрыл глаза.

Внутри него не было пустоты, которую описывали в учебниках. Там не было спокойного озера или тихого родника, из которого маги черпали силу. Внутри Кайона бушевал ураган. Его внутренний источник — Искра — не тлел, он ревел, как доменная печь, требуя выхода. Огонь был его сутью, его проклятием и его единственным языком.

Он не стал плести заклинание. Плетения, пассы руками, заученные формулы — всё это было для тех, кто пытался приручить стихию, как дикого зверя на поводке. Кайон не приручал. Он сам был зверем.

Он сделал вдох, позволяя горячему воздуху арены наполнить легкие, и на выдохе просто *позволил* этому случиться.

Сдерживающие печати на его ауре, наложенные целителями академии для безопасности окружающих, треснули, как яичная скорлупа. Это ощущение всегда приносило болезненное, почти эротическое наслаждение. Словно сдирать присохшую к ране повязку.

Огонь не вырвался из его ладоней. Он родился прямо из воздуха вокруг Кайона.

Сначала это была лишь дрожь горячего воздуха, марево над раскаленным камнем. Затем пространство внутри круга

начало темнеть, втягивая в себя весь свет арены. А потом родилась сфера.

Она не имела цвета. Это был не рыжий, не алый и не синий огонь. Это была чистая, концентрированная плазма, ядро новорожденного солнца. Она пульсировала в метре над его головой, издавая низкий, утробный гул, от которого вибрировали барабанные перепонки.

По рядам студентов, сидевших на каменных скамьях, прошелестел единый вздох. Кто-то нервно хихикнул, кто-то зашептался. Кайон не слушал. Его сознание расширилось, охватывая всю Арену. Он чувствовал каждую трещинку в камне, чувствовал медленное, тягучее сердцебиение замка глубоко под землей и... чувствовал их.

Зрителей.

Он открыл глаза.

Его пламя — живое, яростное, пугающе точное — висело в воздухе, ожидая приказа. Оно не лизало края круга, не пыталось вырваться и спалить деревянные трибуны. Оно было послушно, как вышколенный волкодав, знающий силу хозяина.

Кайон повел бровью. Сфера беззвучно вытянулась в длинную, тонкую нить. Она свистнула в воздухе, разрезая пространство, и ударила в мишень.

Дерево не загорелось. Оно перестало существовать. Щит, поддерживающие его стойки и кусок каменной стены за ним — всё превратилось в пепел и пыль за долю секунды. Нить

огня не оставила даже обугленных краев; она просто аннигилировала материю на своем пути, оставив в воздухе запах чистого озона.

Тишина.

Она была оглушительнее рева пламени. Двадцать три студента смотрели на дыру в дальнем конце арены с суеверным ужасом. Даже дежурные боевые маги у выходов, обязанные пресекать любые неконтролируемые выбросы, стояли неподвижно, опустив руки на эфесы мечей.

Мастер Дрейк медленно разжал скрещенные на груди руки. Он шагнул вперед, и его тяжелые сапоги гулко ударили по камню. Он подошел к краю круга Кайона и долго смотрел на дымящийся провал в стене. Затем перевел взгляд на студента.

— Грязно, — наконец проскрипел Дрейк. Его голос был сухим, как треск горящего пергамента. — Слишком много силы в пустоту. Половина ушла на разрушение камня. Если бы перед щитом стоял человек, ты бы сжег половину его нервных окончаний, прежде чем убить. Он бы кричал десять секунд. В реальном бою это непозволительная роскошь.

Кайон молча кивнул, гася остатки своей Искры. Воздух арены с хлопком заполнил вакуум, и по коже прошел ледяной холод.

— Но щит уничтожен, — продолжил Дрейк, обводя тяжелым взглядом притихших студентов. — И ни одна чешуйка не упала с моей лысины. Контроль идеален. Сила... — он

пожевал губами, подбирая слово, — оскорбительна для вашего уровня. За такую трату энергии на выпускном экзамене вас бы четвертовали в любой из Пяти Крепостей. Но для учебной арены — приемлемо.

Он развернулся, собираясь уйти, но задержался. — После занятий. Мой кабинет. Покажу тебе, как убивать тихо.

Кайон снова кивнул. Похвала Дрейка была высшей наградой, хотя звучала как смертный приговор.

Студенты начали подниматься со скамей, сбиваясь в кучки. Кайон чувствовал на себе десятки взглядов. Зависть, страх, плохо скрываемое восхищение. Он привык. Его имя — Кайон, сын пекаря из Нижних Кварталов — уже второй год ходило по академии шепотом. «Феномен», «ошибка природы», «неограниченный алмаз». Он не был лучшим в теории, он едва сдал историю магических искусств, но когда дело касалось чистой силы, рядом с ним не стоял никто.

Он стер подошвой мел с пола, выходя из круга, и потянулся за своей туникой. Пальцы наткнулись на чужую руку.

— Осторожнее, деревенщина. Чуть не прожег мне рукав. Голос был мелодичным, но в нем звенел лед.

Кайон поднял глаза.

Белла ди Вейн.

Она стояла слишком близко. На ней было платье из темно-бордового шелка, скроенное так, чтобы подчеркивать талию и оставлять открытыми изящные плечи. На шее — тонкая платиновая цепочка с рубином, который сейчас пульси-

ровал в такт ее дыханию, наливаясь тревожным светом. Белла была аристократкой до кончиков пальцев, от идеального пробора в волосах до едва заметного, но презрительного изгиба губ.

Ее магия тоже была огненной. Кайон чувствовал ее потенциал — он был огромен, почти равен его собственному. Но там, где у Кайона бушевал первородный хаос, у Беллы пылал выверенный, геометрически правильный костер. Ее пламя было «хорошим». Безупречным. Оно танцевало по ее приказу, складывалось в цветы, обвивало запястья, согревало, но не обжигало. Оно было приручено поколениями ее предков. Оно было мертвым.

— Я не целился в твой рукав, Белла, — ровно ответил Кайон, забирая тунику. — Я целился в стену.

Она фыркнула, откидывая с лица прядь идеально уложенных волос. — Все знают, что ты талантлив, Кай. Талантлив, как бродячий циркач. Сила без имени — это просто шум. Громкий, вонючий шум из Нижних Кварталов.

Она намеренно выделила слово «вонючий». Белла ди Вейн была первой в рейтинге по теории, этикету и контролю. Она была второй по чистой силе. Первой был Кайон, и этот факт, казалось, разъедал ее изнутри, как кислота.

— Твоя Искра кричит, Кай, — она понизила голос, придвигаясь еще ближе. От нее пахло дорогим вином и гвоздикой. — Она кричит о том, что ей не место здесь. В академии учат управлять, а не потакать. Когда-нибудь твой ошейник

лопнет по-настоящему, и от тебя останется только горстка пепла.

Кайон накинул тунику. Ткань была влажной и неприятно холодила разгоряченную кожу. Он посмотрел прямо в ее глаза — янтарные, с темным ободком.

— Зато я не боюсь обжечься, — сказал он.

Он начал отворачиваться, собираясь уйти в раздевалку, смыть с себя пот и вонь горелого камня. Ему не было дела до Беллы ди Вейн и ее надушенных проблем. У него была встреча с Дрейком, а потом — три часа зубрежки трактатов по астральной проекции.

Но в этот момент она посмотрела на него иначе.

До этого в ее взгляде было лишь привычное классовое презрение и соревновательная злость. Теперь злость исчезла. Презрение осталось, но оно стало... сложным. Кайон слишком хорошо знал этот язык тела. Он вырос на улицах, где взгляды были опаснее ножей.

Белла ди Вейн, наследница одного из древнейших домов Империи, смотрела на него с вызовом. И с чем-то еще. С тем, как хищник смотрит на другого хищника, внезапно осознавшего, что он больше не находится на вершине пищевой цепи.

Она медленно, почти неосознанно, облизнула нижнюю губу. Ее взгляд скользнул с его глаз на его губы, затем ниже — на мокрую, облепившую торс тунику, на напряженные мышцы плеч, на которых все еще играли последние отблески дремлющей огненной мощи.

Кайон замер.

Его Искра, которую он только что с трудом загнал вглубь, под ребра, вдруг шевельнулась. Она не откликнулась на гнев, не вспыхнула от боевого азарта. Она отозвалась на этот взгляд.

Внутри него, там, где должен был быть желудок, вспыхнуло новое пламя. Оно не имело ничего общего с магией. Это была густая, тяжелая, горячая волна, прокатившаяся по венам и ударившая в пах. Воздух между ними в один миг стал густым и наэлектризованным. Он почувствовал запах ее кожи — не гвоздики и вина, а чего-то теплого, животного, скрытого под слоями шелка и аристократической пудры.

Его пламя узнало ее пламя.

Два источника, запертые в телах, разделенных пропастью титулов и золота, потянулись друг к другу через холодный камень арены. Его — дикое, рвущееся с цепи, готовое плавить горы. Ее — сдержанное, гордое, но сейчас предательски пульсирующее в такт его собственному сердцу.

Белла моргнула, выходя из оцепенения. Она резко, слишком резко отступила на шаг, словно обожглась. Румянец — настоящий, не наведенный румянец — проступил на ее высоких скулах. Она сжала кулаки так, что побелели костяшки, а рубин на ее шее вспыхнул тревожным багровым светом.

— Не зазнавайся, Кай, — бросила она, отворачиваясь. Ее голос слегка дрогнул, и она ненавидела себя за это. — Твоя искра погаснет так же быстро, как и зажглась.

Она развернулась и пошла прочь, прямая, как натянутая струна. Ее спина выражала оскорбленное достоинство, но Кайон видел, как напряжены ее плечи.

Он остался стоять посреди арены, провожая ее взглядом. Мастер Дрейк, оказывается, никуда не ушел. Он стоял в тени колонны, и его старые, выцветшие глаза смотрели на Кайона с пугающей, непробиваемой ясностью. Он всё видел. Каждую искру, каждый вздох, каждую каплю пота, которая сейчас наверняка пахла не солью, а перегретым металлом.

Дрейк медленно, с трудом, словно каждое движение причиняло ему боль, поднял руку. Его узловатый палец указал на Кайона, а затем ткнул в сторону выхода.

— Кабинет, — напомнил он. — Через час. И если опоздаешь, я скормлю твою Искру личному горгулье ректора.

Кайон сглотнул. Во рту пересохло.

Он посмотрел на дыру в стене, затем на пустые скамьи, где еще витал запах озона и чего-то неуловимо сладкого.

«Что-то внутри него вспыхивает ярче любого пламени», — пронеслось в голове строчкой из дешевого романа, которые тайком читали служанки.

Кайон никогда не думал, что это будет так. Он всегда считал, что его путь — это путь клинка. Огонь должен был плавить врагов, защищать друзей и строить его будущее. Он должен был сжечь его прошлое в Нижних Кварталах дотла.

Но сейчас, чувствуя, как кровь стучит в висках, он впервые понял: его пламя может хотеть не только разрушать. Оно

может хотеть *поглотить*.

И Белла ди Вейн только что подлила в этот внутренний пожар самое опасное масло из всех существующих — свое внимание.

Кайон подобрал с пола свою сумку с книгами, перекинул лямку через плечо и пошел в сторону раздевалок. Каменный пол казался ему ледяным, но внутри, под кожей, бушевала настоящая Сахара. Ему предстоял самый долгий час в его жизни. Час до кабинета Мастера Дрейка, где его научат убивать тихо, и целая ночь после, где он впервые не сможет уснуть, потому что его собственное тело объявило ему войну.

Вода в каменной чаше была ледяной. Кайон плеснул ее в лицо, смывая пот и сажу, но это не помогло. Холод лишь остудил кожу, в то время как внутренний жар, зажженный взглядом Беллы, только разгорался.

Он посмотрел на свое отражение. На него глядело лицо чужака. Резкие скулы, которые еще не успели приобрести благородную худобу от академической диеты, упрямый подбородок, покрытый темной щетиной, которую он забыл сбрить утром. И глаза. Обычно они были просто карими, цвета старой древесины. Сейчас в них плясали золотые искры. Его собственная магия просачивалась наружу, реагируя на гормональный шторм.

— Успокойся, — прорычал он своему отражению. — Она

просто стерва, которая не привыкла проигрывать.

Слова звучали неубедительно даже для него самого. Дело было не в проигрыше. Белла ди Вейн могла заполучить любого на этом курсе. Наследники герцогств, графов, принцы соседних протекторатов — все они увивались за ней, принося дары и слагая стихи. Она купалась в обожании.

Кайон не принес ей ни стихов, ни подарков. Он просто стоял и сжигал дерево. А она смотрела на него так, словно он был единственным источником тепла в ледяной пустыне.

Он провел мокрой рукой по волосам, откидывая их назад, и натянул сухую тунику. Серую, без гербов и вышивки. Форму простолюдинов. В академии все носили одинаковую форму во время занятий, но за пределами классов Белла и ей подобные облачались в шелка, а Кайон оставался в шерсти и льне. Его происхождение было клеймом, которое не смела стереть даже самая мощная магия.

Выходя из душных катакомб Арены Испытаний в главный холл академии, Кайон попал в другой мир.

Здесь царил мрамор. Белоснежный, холодный, добытый в Северных Копях. Высокие своды поддерживали колонны, увитые резными лозами, в которых магия земли заставляла листья вечно зеленеть. Под потолком парили световые сферы, заливая пространство мягким, вечным полуднем. Здесь пахло воском, старыми книгами и деньгами.

Студенты неспешно прогуливались парами, обсуждая трактат магистра Элариуса или предстоящий Осенний Бал.

Девушки в платьях пастельных тонов смеялись, прикрываясь веерами. Юноши в камзолах с фамильными гербами на груди лениво перебрасывались репликами, полными скрытого превосходства.

Кайон шел сквозь них, как нож сквозь масло. Он привык быть невидимкой. Для аристократов сын пекаря был лишь функцией. Полезным инструментом, если его магия могла служить их целям, или досадной помехой, если он претендовал на их место в рейтинге. Сейчас, после экзамена, он чувствовал на себе взгляды, но они были другими. В них не было привычного снисхождения. Было любопытство. Оценивающее, хищное.

— Слышал? Он испарил щит. Вместе со стеной, — донеслось из группы первокурсников, замерших у фонтана. — Дрейк сказал, что это «грязно». — Если это грязно, то я не хочу видеть, что считается чистым. У меня волосы на руках загорелись от одного жара.

Кайон ускорил шаг. Слава была тяжелой кольчугой, и он не собирался ее примерять. Ему нужны были оценки. Диплом. Место в Магистериуме или, если повезет, контракт с Гильдией Наемных Клинков. Деньги. Уважение. То, что нельзя получить, просто сжигая дерево.

Он поднялся по широкой винтовой лестнице в Западное крыло, где располагались кабинеты старших магистров. Ковры здесь глушили шаги, создавая атмосферу библиотеки, а не учебного заведения.

Дверь кабинета Мастера Дрейка была тяжелой, из мореного дуба, обитого железными полосами. На ней не было таблички. Все и так знали, кто здесь живет. Кайон постучал костяшками пальцев — ровно три раза, как было принято.

— Войди, — проскрипел голос изнутри, не дожидаясь окончания стука.

Кайон толкнул дверь.

В кабинете Дрейка не было окон. Свет давали лишь несколько магических ламп, да огромный камин, в котором лениво ворочались угли. Стены от пола до потолка были заставлены стеллажами. Книги, свитки, черепа неизвестных тварей, банки с заспиртованными органами и, самое главное, оружие. На специальных подставках покоились мечи, которые, казалось, впитали в себя кровь сотен битв.

Сам Мастер Дрейк сидел в глубоком кожаном кресле. Перед ним на низком столике стоял графин с чем-то янтарным и два бокала.

Это было настолько нетипично для аскета-Дрейка, что Кайон на секунду замер. Наставник никогда не предлагал выпивку. Никогда.

— Закрой дверь, — велел Дрейк. — И сядь.

Кайон подчинился, опустившись в кресло напротив. Кожа заскрипела под его весом.

Дрейк молча наполнил бокалы. Пододвинул один из них Кайону. — Пей. Это не яд. По крайней мере, не для тебя.

Кайон взял бокал. Виски. Дорогой, выдержанный, с тор-

фяным привкусом. Он сделал глоток. Жидкий огонь прокатился по пищеводу, но он не обжег. Наоборот, он странным образом слился с тем внутренним жаром, который всё еще не утих. Алкоголь не глушил его Искру, он словно дал ей еще один фитиль.

— На Арене ты показал уровень Магистра Четвертого Круга, — начал Дрейк, глядя на свой бокал. Его голос в тишине кабинета звучал глуше, чем на Арене. — Формально ты еще студент. Фактически — ты уже опаснее половины преподавательского состава.

— Я просто сжег дерево, Мастер, — тихо сказал Кайон.

— Ты не сжег дерево, — Дрейк поднял на него свои выцветшие глаза. В них не было ни капли опьянения, только стальная трезвость. — Ты создал микро-квазар. Ты разорвал связи между атомами. Если бы ты направил это на человека в кольчуге, кольчуга бы расплавилась и срослась с его кожей, а сам он превратился бы в статую из пепла, которая рассыплется от одного чиха. Это не магия огня, Кайон. Это магия аннигиляции.

Кайон молчал. Он никогда не задумывался об этом в таких терминах. Для него огонь всегда был просто... огнем.

— Твоя проблема, мальчик, не в том, что у тебя много силы, — Дрейк сделал еще один глоток. — Твоя проблема в том, что ты злишься.

Кайон вздрогнул. — Я не злюсь.

— Злишься, — отрезал Дрейк. — На них. — Он махнул

рукой в сторону окна, за которым раскинулся Верхний Город, сияющий огнями. — На Беллу ди Вейн и всю ее шелковую свору. На ректора, который смотрит на твое личное дело и видит там «сын пекаря», а не «потенциальное оружие Империи». Ты держишь свою Искру в кулаке не из-за дисциплины. Ты держишь ее из ненависти.

— И что с того? — глухо спросил Кайон. — Ненависть тоже топливо.

— Самое паршивое топливо из всех, — Дрейк наклонился вперед, опираясь локтями о колени. Пламя камина бросало глубокие тени на его изуродованное лицо. — Ненависть дает много жара, но она коптит. Она искажает плетения. Сегодня на Арене ты не убил никого, поэтому «грязь» осела на камне. В реальном бою, когда на кону будет твоя жизнь, эта грязь осядет на твоей душе. Ты совершишь ошибку. И твоя же ненависть тебя поглотит.

Дрейк замолчал, давая словам впитаться. Кайон смотрел на рубиновую жидкость в бокале. Наставник был прав. Каждое его слово било точно в цель. Кайон ненавидел. Ненавидел роскошь, в которой купались те, кто не умел создать даже искру. Ненавидел их чистые руки и презрительные взгляды. Он хотел доказать им всем, что сын пекаря, чьим первым воспоминанием был запах кислого теста и побои вечно пьяного отца, стоит больше, чем все их родовые замки.

— Я не могу это выключить, — признался Кайон. — Когда я вижу их... я хочу сжечь их дотла.

— Тогда сожги, — неожиданно легко согласился Дрейк. Кайон поднял взгляд.

— Но сделай это правильно, — продолжил магистр. — Не как пекарь, бросающий дрова в печь. Как ювелир.

Дрейк поставил бокал и поднялся. Он подошел к одному из стеллажей. Его спина была неестественно прямой — последствия старого проклятия, которое он так и не смог снять. — Твоя магия — это хаос. Первородный, дикий, прекрасный хаос. Ты пытаешься зафиксировать его в формулы, которые придумали старики, боящиеся собственной тени. Это все равно что пытаться налить море в чайную чашку.

Он провел рукой по корешкам книг, пока не нашел нужный том — старый, в кожаном переплете без названия. — Я не буду учить тебя убивать тихо, Кай. Это безнадежно. Ты не тихий. Твоя Искра — это рев дракона.

Дрейк вернулся в кресло. Он не стал садиться. Он положил тяжелую книгу на столик перед Кайоном. — Я научу тебя направлять этот рев. Не в стену. В глотку врага.

Кайон осторожно, почти благоговейно, коснулся обложки. Кожа была теплой. — Что это?

— Это то, чего нет в библиотеке, — сказал Дрейк. — Это «Анатомия Пламени», написанная Первым Императором. Он тоже был пиромантом. И он тоже был никем.

Кайон открыл книгу. На пожелтевшем пергаменте не было заклинаний. Там были рисунки. Жуткие, анатомически точные рисунки человеческого тела, но вместо вен и артерий

по ним текли реки огня.

— Он смотрел на людей не как на врагов, — голос Дрейка стал почти шепотом. — Он смотрел на них как на топливо разной плотности. Кость горит дольше мяса. Кровь вспыхивает мгновенно. Страх... страх делает их бензиновой лужей.

Кайон перевернул страницу. Там был изображен воин в полном латном доспехе. И рядом — схема того, как направить тончайшую нить пламени в сочленение доспеха на шее, чтобы вскипятить спинномозговую жидкость за полсекунды. Беззвучно. Без вспышки.

— Убивать тихо, — повторил Дрейк, но теперь в его устах это звучало не как рутина, а как высокое искусство.

Они просидели до глубокой ночи. Дрейк говорил, а Кайон слушал, впитывая каждое слово, как сухая земля впитывает дождь. Наставник рассказывал о природе Искры, о том, как она связана с эмоциями, с либидо, с первобытным инстинктом доминирования. Он говорил вещи, за которые в академии полагалось сожжение на костре.

— Магия — это не дар богов, — говорил Дрейк, глядя в огонь камина. — Это просто сбой в механике мироздания. Твоя Искра — это дыра в твой личный ад. Ты можешь бояться ее и пытаться заткнуть пальцем. А можешь научиться дышать тем воздухом.

Когда за полночь Дрейк наконец отпустил его, голова Кайона гудела. Старый виски и старая философия смешались в тяжелый, пьянящий коктейль. Он шел по пустым коридорам

академии, и мраморный пол казался ему палубой корабля, уходящего в шторм.

Он спустился в общежитие для простолюдинов. Узкая комната с низким потолком, узкая койка, стол и стул. На столе лежал раскрытый трактат по астральной проекции, который он должен был сдать завтра утром. Кайон даже не взглянул на него.

Он сел на край койки и посмотрел на свои руки. Обычные руки молодого мужчины, с мозолями от учебных посохов.

Внутри него всё еще горел тот огонь, что зажегся на Арене. Но теперь это был не только пожар ненависти. Там была и холодная, расчетливая ярость Мастера Дрейка. И что-то еще. Темное, сладкое, опасное предвкушение.

Белла ди Вейн. Кайон лег на спину, заложив руки за голову, и уставился в темноту потолка.

Он всегда думал, что его путь — это одиночество. Что для сына пекаря нет места в мире аристократов, и единственный способ выжить — стать быстрее, горячее и злее их всех.

Но сегодня, поймав ее взгляд, он увидел отражение. Белла была заперта в своей клетке из золота и шелка так же, как он был заперт в клетке из камня и нищеты. Ее пламя было «хорошим», потому что у него не было выбора. Ее огонь танцевал для публики.

Его огонь танцевал только для него. И ей это понравилось.

Кайон закрыл глаза, пытаясь уснуть. Но сон не шел. Перед внутренним взором стояло ее лицо: надменное, прекрасное,

с пульсирующим рубином на шее. Он чувствовал запах ее кожи.

Его Искра, утомленная уроками Дрейка, лениво шевельнулась во сне. И Кайону показалось, что где-то на другом конце академии, в роскошных покоях Верхнего Города, рубин на шее Беллы ди Вейн вспыхнул в ответ.

Сон пришел лишь под утро, тяжелый и беспокойный, наполненный запахом пепла, дорогого вина и жаром двух сливающихся солнц. А на столе так и остался лежать раскрытый трактат по астральной проекции, страницы которого начали медленно, незаметно для глаза, тлеть по краям от одного лишь присутствия спящего хозяина комнаты.

Глава 2. Огонь и лёд

Утро в академии пахло озоном, остывшим камнем и воском. Этот запах въелся в поры Кайона за три года, став такой же неотъемлемой частью его самого, как и пульсирующая под ребрами Искра. Он проснулся до рассвета, за час до колокола, с тяжелой головой и странной, звенящей пустотой в груди. Сон, наполненный пеплом и багровыми тенями, отступил неохотно, оставив на языке привкус горького миндаля и дорогого виски.

Трактат по астральной проекции, брошенный на столе с вечера, выглядел жалко. Страницы пожелтели, а края пергамента осыпались серой, невесомой трухой. Кайон провел пальцем по краю листа — он был еще теплым. Его магия, дремавшая вполсилы, сочилась сквозь поры кожи даже во сне, превращая сухую теорию в пепел.

«Анатомия Пламени» Первого Императора лежала под подушкой. Кожаный переплет был теплым на ощупь, словно книга была живым существом, которое всю ночь прижималось к его сердцу, делаясь своими жестокими секретами.

Кайон поднялся. Мышцы, перегруженные вчерашним выбросом на Арене, отзывались глухой, тянущей болью. Он плеснул в лицо ледяной водой из кувшина, смывая остатки ночной лихорадки. В мутном оловянном зеркале над умывальником отразилось чужое лицо: ввалившиеся от недосы-

па глаза, в которых, несмотря на усталость, тлели два раскаленных угля.

Сегодня был день парных практик.

Кайон ненавидел их с первого курса. Не потому, что боялся проиграть — проигрывать ему доводилось редко, — а потому, что это был театр. Аристократы выбирали себе партнеров, словно танцевали менуэт. Они сплетали щиты, демонстрировали изящные связки и обменивались вежливыми поклонами. Их магия была продолжением их этикета: выверенная, предсказуемая, лишенная всякого намека на смертельную опасность.

Для Кайона парная тренировка всегда была спаррингом на ножах. Он не умел «сплестать» и «поддерживать». Он умел только бить на поражение.

Большой полигон Западного крыла встретил его гулом голосов и сухим жаром. Здесь не было деревянных щитов. Вдоль стен стояли големы из обсидиана — идеальные спарринг-партнеры, которые не чувствовали боли и не умирали. В центре же, на специальной площадке, выложенной огнеупорным базальтом, уже собирались студенты.

Кайон встал в тени колонны, скрестив руки на груди. Он высматривал своего случайного напарника. Система распределения работала просто: жребий. И сегодня боги, или, что вероятнее, скучающий секретарь в канцелярии, явно решили над ним посмеяться.

Белла ди Вейн стояла в круге света, падавшего из высоко-

го стрельчатого окна. На ней была боевая форма — плотно облегающие штаны из темной кожи и туника, стянутая широким поясом. Одежда скрывала изгибы ее фигуры, превращая наследницу дома Вейн в просто еще одного бойца, но обмануть Кайона она не могла. Он чувствовал ее за двадцать шагов.

Ее пламя сегодня было иным. Вчера на Арене оно было яростным, соревновательным, рвущимся доказать свое превосходство. Сейчас оно напоминало идеально ограненный бриллиант в бархатной шкатулке. Сдержанное, холодное, пульсирующее ровным, глубоким ритмом. Она стояла с закрытыми глазами, и только едва заметное дрожание воздуха вокруг ее ладоней выдавало колоссальную мощь, запертую внутри изящной оболочки.

Жребий был брошен. Медный жетон со скрежетом проехал по желобу и упал в корзину для первой пары.

Кайон. Белла.

По полигону пронесся едва слышный вздох. Десятки пар глаз — любопытных, завистливых, злорадных — устремились на них. Венира и Дармина, двух близнецов с гербами морских владык на камзолах, буквально трясло от сдерживаемого смеха. Они уже предвкушали спектакль.

Кайон шагнул в круг. Базальт под ногами был приятно теплым. Он снял тунику, оставшись в одних штанах, и отбросил ее в сторону. Его торс, покрытый сеткой старых шрамов от учебных ожогов и россыпью свежих ссадин, блестел

от легкой испарины. Он не делал никаких разминочных пасов. Он просто стоял, позволяя своей Искре заполнить пространство, делая воздух густым и тяжелым.

Белла открыла глаза.

Янтарь. Сегодня в них не было вчерашнего темного, животного блеска. Только прозрачная, ледяная пустошь. Она окинула его фигуру быстрым, оценивающим взглядом — от босых ног до напряженных плеч — и едва заметно поморщилась. Словно увидела грязное пятно на своем любимом шелковом платье.

— Постарайся не развалить полигон, Кай, — ее голос прозвучал ровно, но в нем звенел хрусталь. — Мастеру Дрейку не понравится счет за ремонт.

— Постарайся не замерзнуть, — в тон ей ответил Кайон. — Твое пламя сегодня пахнет снегом.

Это была дерзость. Открытая, наглая. По рядам студентов прошелестел ветерок. Венира за спиной у Беллы тихо фыркнул.

Но Белла не вспыхнула. Она лишь приподняла одну идеальную бровь. — Снег тушит пожары, Кай. Запомни это.

Она подняла руки. Кайон не стал ждать. Он ударил первым.

Это не был сгусток огня. Это была струя — тонкая, как игла, раскаленная добела нить плазмы. Она не летела по дуге. Она просто *была*, соединив его вытянутую ладонь с грудью Беллы. Скорость звука отстала от этого удара.

Белла не шелохнулась.

В ту долю секунды, когда нить должна была пронзить ее сердце, пространство перед ней пошло рябью. Из кончиков ее пальцев вырвался щит. Но это не был привычный купол из уплотненного воздуха. Это была стена.

Совершенно плоская, идеально гладкая стена из черного, как вакуум, льда. Раскаленная нить Кайона ударила в нее. Мир исчез в грохоте.

Это не был треск плавающего льда. Это был звук столкновения двух тектонических плит. Нить Кайона не пробила преграду. Она впилась в черный лед, и на мгновение время остановилось.

Огонь и лед сошлись в абсолютном, невозможном паритете.

Плазма Кайона требовала аннигиляции, разрушения, превращения материи в энергию. Лед Беллы требовал абсолютного нуля, остановки всех атомарных процессов. Они не уничтожали друг друга. Они вцепились друг в друга мертвой хваткой. В месте их соприкосновения воздух выгорел, и образовался идеальный, звенящий вакуум.

Кайон надавил, вливая в струю всю свою ярость, всю свою бессонную ночь, всю свою ненависть к ее холодному взгляду.

Лед ответил.

Черная стена не дрогнула, но начала *втягивать* в себя жар. Нить Кайона истончалась, бледнела, превращаясь из ослепительно-белой в болезненно-красную. Энергия не рас-

сеивалась в пространстве — она уходила в лед, замерзая на лету.

Кайон зарычал. Он рванул поток вбок, пытаясь обойти стену.

Ледяная преграда мгновенно перестроилась. Она не была статичной. Это был живой организм, продолжение самой Беллы. Стена изогнулась, превратившись в идеальный купол, отражая раскаленные капли, которые Кайон начал метать веером. Каждая капля, касаясь черного льда, взрывалась облачком морозного пара, тут же оседая инеем.

Они танцевали.

Кайон двигался по кругу, его босые ступни скользили по базальту. Он был бурей. Его движения были широкими, рубящими, лишенными всякой грации, кроме грации хищника, загоняющего добычу. Он бил огнем — копьями, сетями, молотами.

Белла стояла почти неподвижно. Только ее кисти и предплечья двигались с пугающей, нечеловеческой плавностью. Она не тратила силы на ответные удары. Она была совершенной защитой. Ее магия не пылала — она *отрицала*. Она забирала его ярость и превращала ее в абсолютный холод.

Вокруг них полигон начал меняться. Там, где Кайон промахивался, камень плавился, превращаясь в пузырящееся стекло. Там, где дыхание Беллы становилось чуть глубже, на стенах нарастали кружева инея, а воздух оседал на бородах стоящих поодаль студентов колючим серебром.

Кайон почувствовал это первым. Резонанс.

Их Искры, запертые в круге поединка, начали говорить друг с другом. Это было запрещено законами академии, это было опасно — столкновение двух столь мощных, противоположных стихий в замкнутом пространстве могло породить выброс, который снес бы половину Западного крыла.

Но они не могли остановиться. Кайон бросил в нее «Розу Пустыни» — сложное плетение, создающее облако раскаленного песка, который прожигает одежду и впивается в кожу.

Белла ответила «Полночью» — абсолютным поглощением света и тепла в радиусе пяти метров.

Облако песка влетело в зону абсолютного холода. Песчинки не остыли. Они просто *остановились*, замерзнув в воздухе идеальной черной диорамой.

В этот момент их глаза встретились. В янтарных омутх Беллы Кайон увидел свое отражение. Дикое, оскаленное, покрытое копытью лицо зверя. Но за этим отражением, в самой глубине ее зрачков, он увидел то, чего не видел никто другой.

Восторг.

Ее контроль был безупречен, но ее Искра сходила с ума. Она пила его ярость, как пьяница пьет крепкое вино. Ей нравился этот хаос. Ей нравилось стоять на краю пропасти, удерживая мир от взрыва одним лишь усилием воли. Ее холодность была не стеной, разделяющей их. Это была плотина, сдерживающая наводнение.

Кайон понял, что она играет с ним. Эта мысль обожгла сильнее любого пламени.

Он прекратил метать огонь. Он собрал всю свою Искру — ревущего, ненасытного дракона — в один кулак. Не в ладонь для броска, а в плотно сжатый кулак у солнечного сплетения.

— Довольно, — голос Мастера Дрейка ударил по ушам, как молот по наковальне.

Старый магистр стоял у края площадки. Он не использовал магию, чтобы их остановить. Он просто смотрел. И от одного этого взгляда вакуум между Кайоном и Беллой с оглушительным хлопком заполнился обычным воздухом.

Черный лед Беллы осыпался на базальт тысячей хрупких осколков. Кайон медленно разжал кулак. Огонь втянулся обратно под кожу, оставив после себя звенящую пустоту и запах озона.

Они стояли друг напротив друга. Расстояние в десять шагов казалось пропастью. Белла тяжело дышала. Идеальная прическа рассыпалась, темные пряди прилипли к влажному лбу. На ее бледной щеке проступило алое пятно — не ожог, а румянец, вызванный колоссальным напряжением сосудов. Она выглядела... уязвимой. Живой. И от этого Кайону захотелось ударить снова.

Она посмотрела на него. Сняла маску ледяной принцессы, и под ней оказалось что-то темное, оценивающее. — Ты бьешь, как пьяный грузчик, Кай, — сказала она тихо, так, чтобы слышал только он. — Но твоя наглость почти... впе-

чатляет.

Она развернулась и пошла к выходу с полигона, не оглядываясь. Венира и Дармин тут же бросились к ней, предлагая салфетки и воду, бросая на Кайона взгляды, полные плохо скрываемого триумфа. Они видели финал: Белла, снизошедшая до разговора, и Кайон, оставшийся стоять в кругу, как оплеванный.

Кайон не двинулся с места, пока гул полигона не начал стихать. Его трясло. Не от усталости — после уроков Дрейка его выносливость была почти безграничной. Его трясло от бессилия.

Он пытался пробить ее стену. Он пытался задеть ее словами. Он пытался сжечь ее своим пламенем. А она стояла в эпицентре бури, спокойная и прекрасная, и в конце лишь бросила ему снисходительную подачку, словно дворняжке.

«Средний дворянин метит в высший свет? Смешно», — всплыл в памяти шепоток Вениры.

Кайон сжал кулаки так, что ногти впились в ладони до крови. Боль была острой, настоящей. Она немного отрезвила его. Он развернулся, чтобы уйти в раздевалку, подальше от этих лощеных лиц, подальше от ее глаз, и врезался во что-то твердое, как старый дуб.

Это был Дрейк.

Наставник не сдвинулся с места, когда Кайон налетел на него. Он просто стоял в полумраке арочного прохода, и его тень казалась огромной.

— Ты проиграл, — проскрипел Дрейк, не дожидаясь извинений.

— Я стоял на ногах, — огрызнулся Кайон, пытаясь обойти его. — Она не смогла меня даже опалить.

— Ты проиграл, потому что искал ее одобрения, — Дрейк перехватил его за плечо. Хватка магистра была железной. — Ты хотел, чтобы она восхитилась тобой. Чтобы она *увидела* тебя.

Кайон дернулся, пытаясь сбросить руку, но хватка стала лишь сильнее. — Пустите.

— Смотри на меня, — велел Дрейк.

Кайон поднял глаза. В выцветших зрачках магистра не было ни гнева, ни разочарования. Там была только бесконечная, выжженная дотла усталость.

— Твоя сила — это кузнечный горн, Кайон, — тихо, почти ласково сказал Дрейк. — В нем можно выковать корону, а можно — гвозди для собственного гроба. Ты только что раскалил добела лучшую сталь Империи. И что ты сделал? Пытался разбить ею зеркало, потому что тебе не понравилось твое отражение.

— Она играла со мной! — выплюнул Кайон. — Она позволила мне бить в полную силу, чтобы посмотреть, как я вспотею!

— Разумеется, она играла, — Дрейк отпустил его плечо. — Она — ди Вейн. Их кровь — это жидкая политика. Она проверяла тебя. Не как воина. Как фигуру на доске. И ты

подал ей знак, что тобой можно двигать. Твоя ярость на ее холодность — это именно то, чего она хотела. Она получила контроль над твоим гневом, даже не прикоснувшись к тебе.

Кайон молчал. Слова Дрейка были как кислота, разъедающая его праведный гнев.

— Ты хочешь ее? — внезапно спросил магистр, и вопрос прозвучал в тишине коридора как выстрел. — Не как врага. Как женщину.

Кайон отшатнулся, словно его ударили. Кровь бросилась в лицо, и он порадовался, что кожа покрыта копотью — никто не должен видеть, как краснеет сын пекаря. — Это не ваше дело, Мастер.

— Теперь мое, — отрезал Дрейк. — Потому что влюбленный пиромант — это самое нестабильное вещество в этом мире. Искра питается страстью. А твоя страсть к ней... — он прищурился, — она пахнет не только похотью. Она пахнет отчаянием.

— Я не влюблен в нее! — прорычал Кайон.

— Влюблен, — Дрейк позволил себе тень улыбки, от которой его шрамы стали еще страшнее. — Это хорошо. Это очень плохо, но это хорошо.

— Что вы несете?

— Я несу тебе урок, щенок, — Дрейк шагнул ближе, нависая над ним. — Ты хочешь встать в один ряд с ними? Хочешь сжечь их мир дотла? Твоя сила — отличный таран. Но тараном не открывают двери в гостиные. Двери открывают

ключами. А ключ, Кайон, делается из терпения.

Дрейк ткнул сухим пальцем в грудь Кайона, прямо над сердцем. — Ты хотел ударить ее в ответ на «почти впечатляет»? Хотел зарычать? Бросить еще одно оскорбление? Это то, чего ждет Венира. Это то, чего ждет Дармин. Чтобы ты подтвердил их правоту. Что ты — бешеный пес с Нижнего Уровня.

— А что я должен был сделать? Поклониться? — с горечью спросил Кайон.

— Ты должен был улыбнуться, — голос Дрейка стал вкрадчивым, ядовитым. — Посмотреть ей вслед так, словно это она проиграла. Словно ты позволил ей почувствовать твой жар, потому что тебе было скучно. Ты должен был посмотреть на Вениру и Дармина так, как смотришь на обсидиановых големов. Как на нечто, что скоро перестанет существовать.

Кайон смотрел на наставника, пытаясь осознать сказанное. Улыбнуться? После того, как его выставили шутком? Его натура требовала крови. Требовала сжечь камзол Вениры прямо на его спине.

— Сила — не только в огне, Кайон, — Дрейк развернулся, собираясь уйти в свой кабинет. — Иногда сила — в пустоте. В том месте, где должен быть огонь, но его нет. В умении ждать, пока твой противник остынет сам, под тяжестью собственного веса.

Он сделал два шага по коридору, прежде чем снова обер-

нуться. — Сегодня вечером. Моя лаборатория. Принеси мне три унции ртути и свой страх. Будем учиться делать холодное пламя.

Дрейк скрылся за поворотом, оставив после себя лишь запахи серы и озадаченного студента. Кайон прислонился лбом к холодному камню стены. «Умение ждать».

Это было сложнее, чем стоять в центре плазменного шторма. Сложнее, чем «Анатомия Пламени». Сложнее, чем дышать огнем.

Ждать. Позволить им думать, что они победили. Позволить Белле считать его диким, предсказуемым зверем. Он закрыл глаза, пытаясь унять бешеное сердцебиение. В висках стучала кровь.

Белла ди Вейн.

Ее черный лед, гасящий его солнце. Ее янтарные глаза, в которых тонет его разум. Ее голос, холодный, как сталь в зимнюю ночь. Кайон оттолкнулся от стены.

Он пошел в раздевалку, смыл с себя копоть и пот. Натянул чистую серую тунику. Он не стал смотреть на себя в зеркало. Он и так знал, что там увидит.

Увидит пекаря, который возомнил себя герцогом. Но теперь, благодаря Дрейку, он знал главное. Пекари умеют ждать. Они месят тесто, они топят печи, они смотрят, как медленно поднимается опара. Они знают, что любая, даже самая пышная сдоба, если ее передержать, превращается в уголек.

А Белла ди Вейн, со всей ее ледяной броней и идеальным контролем, была сейчас самым раскаленным углем в этой печи. И она даже не подозревала, что заслонка печи уже начала медленно закрываться.

Кайон вышел из академии в город. Ему не нужно было в библиотеку. Ему не нужно было в таверну. Ему нужно было на Нижний Уровень, в лавку старого алхимика Ицхака, у которого всегда была в запасе ртуть самой высокой очистки.

Ночь обещала быть долгой. И впервые за долгое время Кайон не собирался проводить ее за книгами. Он собирался ковать оружие. Холодное, тяжелое, безжалостное. Оружие, которое не обжигает. Оружие, которое просто падает. И то, на что оно упадет, перестает существовать навсегда.

Глава 3. Совет мастера

Лаборатория Мастера Дрейка пахла иначе, чем весь остальной замок. Здесь не было воска, старой бумаги и благовоний для медитаций. Воздух здесь состоял из озона, металлической окалины, едкого запаха азотной кислоты и чего-то еще, неуловимо древнего — запаха самой материи, доведенной до точки кипения.

Стены из грубого камня были покрыты слоем черной сажи, которая не отмывалась, кажется, со времен основания академии. Под высоким потолком, в паутине медных труб и стеклянных реторт, пульсировали шары холодного синего света. На массивных дубовых столах, залитых воском и кислотой, покоились механизмы, предназначение которых не смог бы угадать ни один здравомыслящий человек.

Кайон стоял в центре этого царства безумной алхимии, держа на вытянутых руках хрустальную колбу. Внутри колбы тяжело перекачивались три унции живого серебра. Ртуть не просто текла — она кипела, хотя стекло оставалось ледяным на ощупь.

— Не дыши на нее, — проскрипел Дрейк. Он сидел в своем неизменном кресле, больше похожем на трон палача, и медленно вращал в узловатых пальцах серебряный пинцет. — Твой выдох горячее, чем ей нравится. Она нервничает.

Кайон осторожно поставил колбу на мраморную подстав-

ку. Ртуть успокоилась, собравшись в идеальную, тяжелую сферу.

— Я принес, Мастер, — сказал Кайон, вытирая испачканные в саже руки о штаны. — Что мы будем делать? Пытаться заморозить пламя? Вчера вы говорили о холодном огне.

Дрейк издал звук, похожий на скрежет камней. Это должно было означать смех. — Заморозить пламя — удел бездарных метафизиков, Кайон. Мы не будем замораживать. Мы будем его... разделять. Твоя Искра — это кузнечный горн. В нем есть всё: свет, жар, жизнь и смерть. Но ты лупишь этим горном, как дубиной. Сегодня мы попробуем сделать из него скальпель.

Старик тяжело поднялся. Его суставы хрустнули с такой громкостью, словно кто-то ломал сухие ветки. Он подошел к столу, где лежал лист тончайшей, почти прозрачной стали. — Страх — это лучший охладитель, мальчик. Когда ты боишься потерять руку, твоя ладонь становится удивительно твердой. Когда ты боишься обжечь того, кто тебе дорог, твое пламя становится нежным, как дыхание младенца.

Дрейк взял стальной лист. Поднес его к лампе. Металл был идеально гладким. — Проблема в том, Кайон, что у тебя сейчас нет ничего «дорогого». Твоя ненависть к Верхнему Городу — это просто дрова. Они дают много жара, но они быстро сгорают в золу. Чтобы выковать что-то вечное, нужен другой металл.

Он положил сталь на наковальню и взял тяжелый молот.

— О чем ты думал, когда смотрел на нее вчера? На Беллу.

Вопрос ударил в спину Кайона, как брошенный нож. Он не ожидал этого. Он думал, урок начнется с формул, с векторов магического давления, с расчетов плотности плазмы. Но Дрейк бил всегда в самое незащищенное место.

— Я не думал, — глухо ответил Кайон, глядя на ртуть. — Я пытался ее пробить.

— Ты лжешь, — Дрейк не замахнулся. Он просто опустил молот на сталь. Раздался звук, похожий на удар колокола — низкий, вибрирующий, чистый. Молот не оставил вмятины. Он лишь уплотнил кристаллическую решетку металла, сделав его прочнее. — Твои глаза говорили о другом. Ты смотрел не на ее щит. Ты смотрел на то, как падает локон на ее шею. На то, как вздымается ее грудь, когда она пропускает удар. Ты смотрел на женщину, Кайон. А не на препятствие.

Кайон стиснул зубы. Его скулы свело от напряжения. Он ненавидел этот кабинет. Он ненавидел эту пронизательность, от которой не было спасения. — И что с того? — голос его прозвучал хрипло. — Она аристократка, Мастер. Я — сын пекаря, чье имя забудут, как только я перестану приносить академии золото в виде своих рекордов. Между нами не стена льда. Между нами — пропасть, в которую можно падать вечно. У нее есть земли, титул, армия предков за спиной. У меня есть горстка пепла там, где стоял мой дом, и дар, который пугает даже вас.

Он выдохнул, выпуская накопившийся пар. — Я знаю

свое место, Дрейк. Я — инструмент. Хороший, острый, опасный инструмент. А она — драгоценность. Инструменты не влюбляются в драгоценности. Инструменты их ограняют. Или ломают.

Дрейк снова поднял молот. Удар. Еще один. Сталь начала светиться тускло-красным, но не от жара кузнечного горна, а от магии, которую старый магистр вливал в металл сквозь дерево рукояти. — Ты жалок, — спокойно сказал Дрейк, не прерывая ритмичного звона. — Ты жалок в своем смирении.

Кайон вскинул голову. Гнев, настоящий, обжигающий, поднялся из желудка к горлу. — Я жалок? Я выжил в Нижних Кварталах, где таких, как она, режут за одну пуговицу с их камзола! Я сжег лицо человеку, который назвал моего отца рабом, когда мне было десять! Я не жалок! Я просто... реалист.

— Ты трус, — Дрейк положил молот. Сталь на наковальне теперь была не просто куском металла. Она была идеально ровной, твердой и при этом гибкой — готовый клинок, которому не хватало лишь заточки. — Ты боишься ее «нет» больше, чем смерти.

Наставник повернулся к нему. В полумраке лаборатории его лицо, изрезанное шрамами, казалось маской древнего демона. Но глаза... глаза были усталыми и бесконечно старыми. — Ты боишься, что если ты подойдешь к ней не как студент к студенту, а как мужчина к женщине, она рассмеется тебе в лицо. Что она увидит в тебе грязь под ногтями. И ты

предпочитаешь прятаться за своей ненавистью. Ненавидеть безопасно, Кайон. Ненависть не требует обнажить горло.

Дрейк подошел к нему вплотную. От него пахло серой и одиночеством. — Я прожил на этом свете втрое дольше тебя, мальчик. Я видел, как Империи рушились из-за одного неосторожного слова. Я видел, как континенты уходили под воду. И я скажу тебе то, что говорят только перед казнью. Твое происхождение — это не клеймо. Это просто география твоего рождения. Кровь у всех одинаково красная, а пепел — одинаково серый.

Он ткнул узловатым пальцем в грудь Кайона, туда, где под туникой пульсировала Искра. — Ты сильнейший маг огня среди сверстников за последние сто лет. Твоя сила — это не оправдание для высокомерия. Это ответственность. Ответственность за то, чтобы не позволить своим страхам решать за тебя.

Дрейк вернулся к наковальне, взял щипцами раскаленную сталь и опустил ее в корыто с ртутью.

Кайон ожидал шипения, взрыва, ядовитых паров. Но произошло иное. Ртуть не закипела. Она приняла сталь в себя, словно обняла ее. Металл вошел в жидкое серебро без единого пузырька. На мгновение они стали единым целым — тяжелое, холодное живое серебро и раскаленная сталь.

— Ты думаешь, ее титул — это броня? — Дрейк вороchal сталь в ртути, и жидкость вокруг него темнела, впитывая в себя примеси. — Титул — это просто цепь, Кайон. Золо-

тая цепь, которая держит ее на дне так же крепко, как тебя держит твоя нищета. Она не может дышать. Каждый ее шаг, каждый вздох, каждый взгляд регламентирован протоколом. Она выйдет замуж за того, кто укрепит позиции ее Дома. Она родит детей, которые продолжат династию. И если она хоть раз позволит себе слабость...

Он вытащил клинок из ртути. Сталь изменилась. Она стала черной, как крыло ворона, и на ее поверхности проступили едва заметные серебристые прожилки, похожие на морозные узоры на стекле. — ...ее сожрут заживо. Такие же, как Венира и Дармин. Стервятники в шелках.

Дрейк протянул клинок Кайону рукоятью вперед. — Поэтому она смотрит на тебя, — тихо закончил магистр. — На твое пламя, которое не знает протокола. На твою наглость, которая не знает страха. Ты для нее — глоток отравленного, но настоящего воздуха в ее позолоченной могиле.

Кайон принял оружие. Рукоять из черного дерева идеально легла в ладонь. Клинок был ледяным, но не обжигал холодом — он просто высасывал тепло, успокаивая нервы. — Вы хотите, чтобы я к ней пошел? — спросил Кайон, глядя на свое отражение в полированном металле. — После того как ее дружки назвали меня выскочкой?

— Я хочу, чтобы ты перестал быть трусом, — отрезал Дрейк. Он тяжело опустился в кресло, которое снова приняло его с жалобным скрипом. — Признайся ей.

Кайон замер. Лезвие меча в его руке дрогнуло. — Что?

— Сегодня. В саду у Западной башни. Там цветут астры, они светятся в темноте. Подойди и скажи: «Белла, я не могу перестать о тебе думать. Твое присутствие заставляет мою Искру сходить с ума, и это пугает меня больше, чем все магистры академии вместе взятые».

Дрейк прикрыл глаза, словно экономя силы. — Лучше знать правду, Кайон. Лучше получить кинжал в сердце и понять, что всё кончено, чем годами сгорать в неведении, отравляя своим ядом всё вокруг. Твоя неопределенность сейчас — это самая нестабильная реакция в этой комнате. Она рванет. И пострадают оба.

Кайон смотрел на меч, потом на старика. Логика Дрейка была убийственной в своей простоте. Он предлагал не стратегию. Он предлагал эвтаназию. Убей надежду сейчас, чтобы не мучиться потом. — А если она... если она согласится? — голос Кайона сел до шепота. — Что дальше? Мы будем тайком встречаться в кладовках? Я буду носить ей полевые цветы, пока ее отец не спустит на меня своих боевых магов?

— Это будут уже ее проблемы, — Дрейк открыл глаза. В них плясали красные отсветы от углей в горне. — Твоя задача — донести слова до ее ушей, не потеряв по пути хребет. Если она решит, что титул ее Дома важнее, чем тепло твоей ладони — ты развернешься и уйдешь. Сгоришь. Переродишься. Но ты больше не будешь стоять под ее окнами, как побитый пес.

Наставник тяжело вздохнул, глядя на черный клинок. —

Ты боишься разницы в статусе. Это разумно. Но ты забываешь, кто ты. Ты — не сын пекаря с улицы. Ты — ходячая катастрофа. Ты — аномалия, которую ректор терпит только потому, что боится, как бы ты не ушел к его врагам. В этом мире, Кайон, сила — это единственный настоящий титул. И твой титул сейчас выше, чем у ее отца. Не позволяй страху решать за тебя. Страх — это удел тех, кому есть что терять. А тебе, мальчик мой, терять нечего, кроме цепей.

Вечер опустился на академию мягким, лиловым бархатом.

Кайон сидел на своей узкой койке в комнате для простолюдинов. Здесь было тесно, душно и пахло чужими снами. На столе перед ним стояла одинокая сальная свеча. Огонь на фитиле дрожал от сквозняка, бросая на стены изломанные, пляшущие тени.

Он репетировал.

«Белла, я не могу перестать о тебе думать...» Слова звучали фальшиво. Они казались ворованными из тех самых дешевых романов, которые тайком читали судомойки. В его устах они превращались в угрозу. В его голосе было слишком много жара, слишком много бездны. Это было не признание. Это было предупреждение.

Кайон провел рукой по лицу. Он ненавидел это состояние. В бою всё было просто: есть враг, есть цель, есть пламя. Смерть была понятна. Она была логична. Любовь — или то,

что он принимал за нее, глядя на ее профиль в свете магических ламп — была хаосом. Она не подчинялась формулам Первого Императора. Она не поддавалась контролю.

Он посмотрел на свое отражение в маленьком осколке зеркала, висевшем над столом. На него смотрел чужак. Глаза ввалились, кожа обветрена. В уголках глаз уже начали собираться тонкие морщинки от постоянного прищуривания против встречного ветра и жара. Это было лицо воина, наемника, человека, привыкшего спать на голой земле и убивать до завтрака.

Какое лицо должно быть у возлюбленного Беллы ди Вейн? Ухоженное. Мягкое. С глазами, в которых отражается стабильность и будущее ее Дома. Лицо, которое не пугает прислугу.

Кайон взял свечу в руки. Огонь всегда был его утешением. Когда мир становился слишком сложным, он смотрел в сердце пламени и видел там абсолютную, кристальную ясность. Пламя не лжет. Оно либо греет, либо сжигает.

Он поднес ладонь к фитилю. Ближе. Еще ближе. Кожа начала потрескивать от жара. Волоски на руке свернулись в пепел. Боль была острой, очищающей.

«Ты сильнейший маг огня». Слова Дрейка эхом отдавались в черепе.

Кайон закрыл глаза и позволил своей Искре проснуться. Она поднялась не яростным штормом, как на Арене, и не тихой лавой, как на парной тренировке. Он попросил ее быть

нежной.

Пламя свечи изменилось. Оно перестало метаться. Оно вытянулось в идеальный, ровный лепесток. Цвет огня сменился с грязно-желтого на глубокий, королевский пурпур. Свеча больше не плавилась воск — она просто горела, излучая ровный, теплый свет, в котором не было ни тени.

Кайон открыл глаза. Он смотрел на свое отражение в этом пурпурном огне.

Лицо осталось прежним. Резким. Угловатым. Но свет... свет облагораживал его. Он смягчал тени под глазами, золотил щетину на скулах, превращая ее из признака неухоженности в признак мужественности. В этом свете он не выглядел сыном пекаря. Он выглядел так, как чувствовала себя его Искра — древним, первородным, имеющим право стоять рядом с любым богом или аристократом.

— Я не инструмент, — тихо сказал Кайон своему отражению в огне. — Дрейк прав. Инструменты ржавеют в сундуках.

Он вспомнил взгляд Беллы на полигоне. Тот момент, когда их стихии столкнулись в вакууме. В ее глазах не было отворачивания. Там был страх, да — страх перед его мощью. Но под страхом было что-то еще. Жадное, темное любопытство. Она хотела знать, как далеко он может зайти. Она хотела почувствовать этот жар на своей коже.

«Признайся. Лучше знать правду».

Кайон задул свечу. Комната погрузилась в темноту, на-

полненную запахом остывающего воска и его собственным тяжелым дыханием.

Он знал, что такое страх. Страх — это когда пьяный отец заносит над тобой кочергу. Страх — это когда толпа в Нижнем Квартале прижимает тебя к стене, и ты чувствуешь чужое дыхание, пахнущее гнилью. То, что он чувствовал сейчас, стоя на пороге решения, не было страхом. Это был лед. Холодный, звенящий пустотой лед в желудке. Ощущение шага в пропасть.

Если она откажет, если она посмотрит на него с той же безгливой жалостью, с какой смотрят на жука в бокале вина, его мир не рухнет. Дрейк прав — он выживет. Но что-то внутри него перегорит навсегда. Та часть Искры, которая сегодня заставила пламя свечи стать пурпурным, превратится в пепел. И он станет просто оружием. Идеальным, холодным, мертвым клинком, как тот, что они выковали сегодня днем.

Кайон поднялся.

Он подошел к своему шкафу. Достал единственную вещь, которая была куплена не на базаре за медяки. Темно-серый камзол из хорошей шерсти, без гербов, но сшитый по фигуре. Он берег его для выпускного.

Сейчас был не выпускной. Кайон натянул камзол. Ткань слегка покалывала шею. Он зачесал влажные волосы назад, стянув их на затылке простой кожаной лентой.

Он посмотрел на свои руки. Мозоли от посоха и рукояти меча. Грубые, рабочие руки.

— Пусть смотрит, — прошептал он в темноту комнаты.
— Пусть смотрит на мои руки и знает, что они могут либо ласкать, либо испепелять. Выбор будет за ней.

Он не стал брать с собой ничего. Ни меча, ни защитных амулетов. Идя на признание, нельзя надевать доспех. Это уже не признание, это — переговоры, а Дрейк сказал, что сегодня не будет стратегии. Будет только правда.

Сад у Западной башни встретил его тишиной и запахом влажной земли. Ночь была ясной, и луна — огромная, серебряная монета — висела над зубцами крепостной стены, заливая аллеи призрачным светом.

Астории действительно светились. Их тяжелые, мясистые бутоны испускали мягкое, голубоватое сияние, отчего кусты казались россыпью упавших звезд. Воздух здесь был прохладным, пахнувшим озоном после недавнего магического выброса где-то на верхних ярусах замка.

Кайон шел по гравийной дорожке, и каждый его шаг казался ему оглушительно громким. Сердце, которое не дрогнуло перед пламенем драконов на выпускных испытаниях прошлого года, сейчас билось в ребра, как пойманная птица.

Он увидел ее сразу.

Белла сидела на каменной скамье под самой башней. Лунный свет серебрил ее волосы, превращая их в платину. Она не читала и не вышивала. Она просто смотрела на светящиеся цветы, и в ее позе было столько одиночества, что у Кайона перехватило дыхание. Вся ее надменность, весь ледяной

панцирь остались там, в стенах академии. Здесь, в саду, она была просто уставшей девушкой.

Он замер в тени кипариса.

«Подойди». Приказ Дрейка. Приказ его собственной Искры, которая сейчас тянулась к Белле невидимыми, горячими щупальцами, пытаясь согреть ее в лунном свете.

«Развернись и уйди». Голос его разума. Голос Нижних Кварталов, который орал, что таким, как он, здесь не место.

Кайон сделал шаг вперед. Гравий хрустнул. Белла вздрогнула и обернулась.

В лунном свете ее глаза казались не янтарными, а почти черными. Она прижала руку к груди, там, где под шелком платья наверняка висел какой-нибудь защитный амулет.

— Кайон? — ее голос прозвучал удивленно, но без страха. — Что ты здесь делаешь? Здесь запрещено находиться после отбоя.

Он вышел из тени деревьев на серебристый свет асторий. Слова, которые он репетировал перед свечой, вылетели из головы. Все формулы рассыпались. Остался только жар в груди и ее взгляд, прикованный к его лицу.

Кайон остановился в трех шагах от скамьи. Ближе — это вторжение. Дальше — это трусость. Три шага — это расстояние для разговора. Для дуэли взглядов.

— Я пришел не из-за отбоя, Белла, — сказал он. Его голос был хриплым, но ровным. Он не пытался казаться благородным. Он просто говорил. — Я пришел, потому что если я не

скажу это сейчас, то к утру я либо сожгу половину академии, либо превращусь в статую.

Он видел, как расширяются ее зрачки, поглощая черноту радужки. Она поняла. Она всё поняла мгновенно. Женщины всегда чувствуют это раньше, чем мужчины успевают открыть рот.

— Я репетировал речь, — Кайон позволил себе горькую усмешку. — Она звучала красиво. Про то, что ты заставляешь мою Искру сходить с ума. Но это всё неправда. Моя Искра и так безумна.

Он сделал еще полшага вперед. — Дело не в ней. Дело во мне. Когда ты смотришь на меня, Белла, я перестаю быть сыном пекаря. Я перестаю быть «феноменом» в отчетах ректора. Я перестаю быть тенью Мастера Дрейка.

Он смотрел ей прямо в глаза, не моргая. Лунный свет отражался в его собственных зрачках, зажигая там золотые искры. — Когда ты смотришь на меня, я чувствую себя так, словно мое пламя наконец-то нашло то, для чего оно было создано. Не для обогрева лачуг и не для убийства. А для того, чтобы гореть напротив твоего льда.

Он замолчал. Слова кончились. Воздух между ними звенел, натянутый, как тетива. Пахло озоном, ночной фиалкой от кустов астории и чем-то неуловимо сладким — запахом ее кожи.

Белла сидела неподвижно. Только ее пальцы, лежащие на коленях, побелели от напряжения. Она смотрела на него —

на его грубые руки, на старый камзол, на лицо, которое не знало роскоши, — и Кайон приготовился к удару. К вежливому, ледяному «Это неуместно, студент». К смеху. К жалости.

Но вместо этого она медленно, очень медленно выдохнула. Облако пара сорвалось с ее губ, несмотря на теплый вечер — ее внутреннее напряжение было таким сильным, что остудило воздух вокруг.

— Ты понимаешь, что ты сейчас делаешь, Кай? — тихо спросила она. В ее голосе не было льда. В нем была трещина. — Ты стоишь в саду Высшей Академии в лунном свете и говоришь со мной так, словно... словно мы равны.

— Мы не равны, — честно ответил Кайон. — Ты — ди Вейн. Я — огонь, который едва не спалил своего отца в колыбели. Но я устал считать этажи, Белла. Я хочу просто подойти.

Он протянул руку.

Не для того, чтобы коснуться ее. Просто ладонью вверх. На его мозолистой коже, освещенная голубым светом астрий, лежала его судьба. — Скажи мне «нет», — прошептал он. — Скажи мне, что я грязь под твоими ногами, и я уйду. Я больше никогда не заговорю с тобой. Клянусь своим пламенем. Я сожгу эту память.

Он смотрел на нее, и его сердце, казалось, остановилось. Белла перевела взгляд с его протянутой руки на его лицо. В ее темных глазах, на самом дне, Кайон увидел то, что Дрейк

заметил еще вчера.

Она боялась. Но не его. Она боялась себя. Боялась того, что если она протянет руку навстречу его огню, то ее идеальный, прозрачный лед треснет. И оттуда вырвется нечто такое же дикое и ненасытное, как его собственная Искра.

Она медленно подняла свою руку. Ее пальцы были унизаны кольцами, холодный металл и драгоценные камни. Но когда ее рука коснулась его ладони, Кайон почувствовал не холод. Он почувствовал удар тока.

Их кожа соприкоснулась. И в тот же миг луна в небе, казалось, моргнула.

Астории вокруг них вспыхнули ослепительно-белым светом, на секунду залив сад полуденным солнцем. Воздух сгустился, стал плотным, как вода, и тяжело надавил на барабанные перепонки.

Их Искры не просто встретились. Они рухнули друг в друга.

Кайон почувствовал, как ее холод входит в его вены, не обжигая, а даря абсолютное, кристальное спокойствие. Он увидел мир ее глазами — золотую клетку, расписной потолок, за которым никогда не видно звезд.

А Белла, судя по тому, как она резко втянула воздух сквозь сжатые зубы, провалилась в его бездну. Она увидела Нижние Кварталы, запах горелого теста, вкус крови во рту после драки и первобытный, животный восторг от того, что ты можешь сжечь целый мир одним лишь желанием.

Их пальцы переплелись. Кольца на ее руке впились в его мозоли.

Они стояли так, посреди светящегося сада, соединенные не словами, а чистой, незамутненной магией стихий. Огонь и Лед. И между ними больше не было пропасти. Между ними была молния.

Кайон осторожно, боясь спугнуть наваждение, потянул ее руку на себя.

Белла поднялась со скамьи. Она не сопротивлялась. Ее колени, казалось, едва держат ее, но взгляд... взгляд был тверже стали. Она смотрела на их сцепленные руки так, словно видела чудо.

— Ты идиот, Кайон, — прошептала она, и уголок ее губ дрогнул в улыбке. — Бездарный, самовлюбленный идиот.

— Я знаю, — ответил он, и тоже улыбнулся.

Он медленно, давая ей время отстраниться в любую секунду, наклонил голову. Лунный свет блеснул на его лице.

Ее губы пахли морозом и гвоздикой. И когда они коснулись его губ, Кайон понял, что Мастер Дрейк ошибся. Это не было эвтаназией надежды. Это было рождение пожара, по сравнению с которым Арена Испытаний была лишь чиркнувшей спичкой.

Глава 4. Публичный отказ

Рассвет после ночи в саду у Западной башни пах озоном и обманчивой надеждой. Кайон проснулся не от колокола, а от того, что его собственная Искра пульсировала в такт сердцу — ровно, мощно, сыто. Память о прикосновении к пальцам Беллы была выжжена на подушечках его рук невидимым клеймом. Он помнил, как ее лед растаял, уступив место жару, который едва не испепелил их обоих прямо там, среди светящихся асторий. Это было не просто касание. Это был договор, скрепленный не словами, а стихиями.

Мир вокруг казался Кайону новым, отмытым от вековой копоти. Даже серый камень стен его комнаты в общежитии для простолюдинов сегодня не давил на плечи. Он был сыном пекаря, вчерашним оборванцем, но минувшей ночью дочь одного из древнейших Домов Империи держала его за руку, и ее магия пела в унисон с его безумием.

Эта эйфория была настолько ослепительной, что Кайон совершил ошибку. Он поверил в чудо.

Большой Зал Лекций гудел, как растревоженный улей. Высокие стрельчатые окна пропускали столпы золотистой пыли, в которых кружились сотни голосов. Аристократы обсуждали охоту, торговые гильдии и предстоящий Осенний Бал. Кайон шел сквозь это великолепие, и сегодня ему казалось, что расступающиеся перед ним студенты делают это не

из страха перед его силой, а из смутного понимания: он изменился. Он больше не был просто оружием в руках академии. Он стал кем-то.

Он увидел ее сразу.

Белла стояла у кафедры, где профессор Иллюмиар монотонно бубнил о свойствах эфирных масел. Она была окружена своей свитой — блестящей, ядовитой толпой. Венира и Дармин, похожие на двух хищных птиц в своих бархатных камзолах, что-то шептали ей на уши, и их смех звенел, как разбивающееся стекло.

Белла смеялась вместе с ними.

Кайон замер. Его шаг, только что твердый и уверенный, стал ватным. Он смотрел на ее профиль — идеальный, освещенный утренним солнцем, на то, как легко она откинула голову назад, обнажая длинную, белую шею. Вчера в лунном свете эта шея казалась ему фарфоровой, хрупкой, принадлежащей ему. Сейчас, в резком свете дня, она снова стала частью мраморной статуи, экспонатом, за которым присматривают сторожа.

Но отступать было поздно. И, что страшнее, отступать было некуда. Его Искра, почувствовав ее близость, потянулась вперед невидимыми, горячими щупальцами, требуя контакта. Она не понимала, что такое «общество», «статус» и «репутация». Она знала только одно: ее пара — там.

Кайон сделал шаг. Затем еще один.

Гул в зале начал стихать. Сначала замолчали те, кто сто-

ял рядом. Затем — те, кто сидел за столами. Волна тишины катилась по залу быстрее, чем шел Кайон. К магу его уровня не подходят просто так, особенно когда он идет с таким лицом — бледным, с горящими в глазах золотыми искрами, с выражением человека, идущего на собственную казнь, но уверенного в своей правоте.

Венира заметил его первым. Его улыбка медленно сползла с лица, превратившись в гримасу хищника, заметившего чужака на своей территории. Дармин обернулся, и в его глазах мелькнуло плохо скрытое предвкушение. Они увидели его целеустремленность. Они всё поняли.

Кайон остановился в трех шагах от их круга. Профессор Иллюмиар осекся на полуслове, и в наступившей абсолютной тишине было слышно только потрескивание фитиля в масляных лампах.

— Белла, — голос Кайона прозвучал хрипло. Он прочистил горло, стараясь вернуть ему ту твердость, с которой он говорил с ней в саду. — Можно тебя на два слова?

Это было нарушением всех мыслимых законов. Сын пекаря прерывает лекцию Верховного Магистра, чтобы вызвать аристократку. Это было не просто дерзостью. Это было самоубийством в социальной среде академии.

Белла медленно повернула голову.

Вчера ночью ее глаза были темными, глубокими, полными тайн. Сейчас они были холодными. Абсолютно, пугающе холодными. Она смотрела на него так, как смотрят на насе-

комое, раздавленное подошвой ботинка по пути на бал.

Венира театрально вздохнул. — Кажется, средний класс забыл свое место, — громко, на весь зал, произнес он. — Белла, неужели ты позволишь этому... лабораторному образцу испортить нам утро?

Подхалимы — стайка младших сыновей безземельных баронов, вечно выющихся вокруг близнецов — угодливо захихикали. Их смех был похож на царапанье гвоздем по стеклу.

Кайон проигнорировал их. Он смотрел только на Беллу. Он вложил в этот взгляд всё: память о лунном свете, вкус ее губ, ощущение ее замерзших пальцев в своей ладони. Он молча просил ее: «Просто кивни. Просто скажи, что увидимся в саду. Мы же знаем правду».

Белла смотрела на него долгую, бесконечную секунду. Кайон видел, как в самой глубине ее янтарных глаз что-то дрогнуло. Какая-то тень. Какая-то боль. Она помнила. Ее магия, запертая сейчас под слоями шелка и ледяного самообладания, помнила этот пожар.

Но затем она моргнула. Когда она снова открыла глаза, там была только пустота.

Она медленно, с царственным достоинством, опустила ресницы. А затем подняла их. — Прости, Кайон, — ее голос прозвучал тихо, почти интимно, но в мертвой тишине Зала его слышали все. — Это невозможно.

Два слова. Они упали в тишину, как две капли свинца. «Это невозможно». Не «я не хочу». Не «у нас не получится».

«Это невозможно». Слово, которое ставит точку не в отношениях, а в существовании человека. Слово, которое отделяет высший свет от грязи на подошвах.

Кайон стоял, не в силах вдохнуть. Воздух вдруг стал густым и ядовитым. Он смотрел на ее лицо, ища там ту самую трещину в льду, которую видел ночью. Но льда больше не было. Была монолитная, отполированная до блеска стена.

— Ты же... — начал Кайон, и его голос сорвался. Он ненавидел себя за эту слабость. — Мы же...

— Студент Кайон, — перебила она. Теперь в ее тоне зазвенел металл. Нотки той самой Беллы ди Вейн, что командовала щитами на полигоне. — Я ценю твою... искренность. Но твое место — в Арене. Мое — здесь. Не заставляй меня повторять.

Она не ждала ответа. Она просто отвернулась. Плавным, отточенным движением она взяла со стола свой учебный фолиант и, не удостоив больше Кайона ни единым взглядом, пошла к выходу из Зала. Ее свита — Венира, Дармин и их прихлебатели — двинулась за ней, словно хвост кометы.

И только когда они отошли на десяток шагов, плотина тишины рухнула.

— Нищий выскочка решил, что ему рады в высшем обществе! — взвизгнул Венира, оборачиваясь. Его лицо покраснело от удовольствия. — Посмотрите на него! Он решил, что если умеет пускать дым из ушей, то может приглашать герцогинь на прогулки!

Дармин поддержал брата громким, лающим смехом. — Бедняжка Белла! Ей пришлось самой отмывать руки после его прикосновений! Говорят, у простолюдинов под ногтями не только грязь, но и чума!

Они шли по центральному проходу, и их смех разлетался под сводами, множась эхом. Подхалимы подхватили шутку, превратив ее в глумливый шепоток, который теперь обтекал фигуру Кайона со всех сторон.

— Сын пекаря метит в принцы... — Наверное, он думал, что если сожжет ей платье, она станет его должницей... — Какая наивность. Искра не заменяет родословную, Кай.

Кайон не двигался. Он стоял посреди Зала Лекций, и пол под его ногами казался ему раскаленной решеткой. Он чувствовал на себе десятки взглядов. Кто-то смотрел с жалостью — в основном, такие же, как он, выходцы из низов. Кто-то — с холодным академическим интересом, наблюдая за поведением стихийного мага в состоянии социального унижения.

Его Искра внутри забесновалась.

Она требовала выхода. Она требовала сжечь этот Зал дотла. Испарить мраморную кафедру. Испепелить бархатные камзолы Вениры и Дармина, чтобы от них остались только вонючие лужи пластика на полу. Она ревела, требуя крови, требуя справедливости, требуя вернуть ту ночь в саду.

Кайон закрыл глаза. Он представил лицо Мастера Дрейка. Вспомнил холодный черный клинок, который они выковали. «Сила — в пустоте».

Он сделал вдох. Медленный, глубокий. Он представил, как его пламя, этот ревущий дракон, не вырывается наружу, а втягивается обратно. Вглубь костей. Вглубь мышц. Он за-пирал его на замок, заколачивал досками, бросал в ледяной подвал.

Когда Кайон открыл глаза, они больше не горели золотом. Они были просто карими. Уставшими. Старыми. Он не ска-зал ни слова. Не бросил ни одного яростного взгляда. Он медленно наклонился, поднял с пола свою сумку с книгами, которую бросил там в начале разговора, и пошел к выходу.

Он шел сквозь строй их смеха. Плечи были расправлены. Спина — прямая. Каждый его шаг по каменным плитам от-давался гулким, одиноким эхом. Он не позволял себе уско-рить шаг. Уйти быстро — значит бежать. Уйти медленно — значит признать поражение. Он выбрал третий путь — уйти так, словно их просто не существует. Словно смех Вениры — это всего лишь треск сверчка за стеной.

Но внутри он сгорал заживо.

Унижение было физической болью. Оно давило на грудь сильнее, чем гидра на вчерашних испытаниях. Это была не просто пощечина. Это была публичная казнь его мечты. Бел-ла не просто отказала ему. Она использовала его искрен-ность как приманку, чтобы выставить его на посмешище пе-ред всем курсом. Она выбрала статус. Она выбрала холод-ную, безопасную пустоту своего будущего брака по расчету, и ради этого без колебаний втоптала в грязь то, что родилось

между ними в саду.

Кайон вышел в коридор и прислонился лбом к холодному стеклу высокого окна. Во дворе академии шел дождь. Мелкий, серый, осенний.

«Это невозможно». Он повторил это слово про себя. В нем не было магии. В нем была только геометрия. Две параллельные прямые. Верхний Город и Нижний Квартал. Они никогда не пересекутся.

— Ты идиот, — раздался за его спиной скрипучий голос.

Кайон не вздрогнул. Он узнал эту тяжесть в воздухе. Запах серы и старых ран.

Мастер Дрейк стоял у соседнего окна, в тени гобелена, изображающего победу Империи над драконами. Он не смотрел на Кайона. Его выцветшие глаза были устремлены на дождь.

— Я видел, — проскрипел Дрейк. — Я стоял за колонной. Видел, как ты идешь. Видел, как твое лицо превратилось в камень. Хорошая работа. Если бы ты плюнул в нее огнем, ты бы лишь подтвердил их правоту. А так... ты просто стал грустной историей, которую будут рассказывать первокурсникам. «Смотрите, дети, вот что бывает, когда огонь забывает, что он — всего лишь дрова».

Кайон отлепился от окна. Его руки дрожали. Мелкой, противной дрожью. Он сжал их в кулаки, пряча слабость. — Она... она же... — он не смог закончить. Слова застряли в горле колючками.

— Она сделала ровно то, что должна была, — отрезал Дрейк. — Ты думал, она выпрыгнет из платья и убежит с тобой в закат? Чтобы жить в палатке у костра? Белла ди Вейн — это не женщина, Кайон. Это — политический вексель. У нее нет права на «хочу». У нее есть только долг «должна».

Старик повернулся. Его лицо в тени казалось высеченным из гранита. — Она пощадила тебя, мальчик. Ты этого еще не понял. Если бы она ответила «да»... Ты бы прожил ровно до того момента, как об этом узнал бы ее отец. Герцог ди Вейн не убивает врагов огненным штормом. Он уничтожает их репутацию. Он бы нанял бардов, которые пели бы о том, как сын пекаря опозорил его дочь. Тебя бы вышвырнули из академии с волчьим билетом в тот же день. А ее... ее бы заперли в родовом замке до конца дней, пока она не сошла бы с ума.

Дрейк шагнул ближе. От него пахло смертью. — То, что она сделала на глазах у всех — это милосердие, Кайон. Она дала тебе пощечину, чтобы спасти тебе жизнь. Она публично тебя унизила, чтобы их стая шакалов насытилась и отстала от нее. Она выбрала самый быстрый и чистый способ сжечь мосты.

Кайон слушал, и его внутренности медленно превращались в лед. Не в тот красивый, магический лед Беллы, а в тяжелую, мертвую воду подлодки, лежащей на дне океана. — Значит, всё было ложью? — тихо спросил он. — В саду... ее пальцы... ее магия...

— Ее магия не лжет, — жестко сказал Дрейк. — И ее пальцы не лгали. Она хотела тебя. Там, в саду, она была настоящей. Но солнце встало, Кайон. И аристократия снова надела свои маски. Ты столкнулся с законом этого мира. Страсть живет в постели. Власть живет в залах. И они никогда не спят вместе.

Дрейк протянул руку и положил свою тяжелую, сухую ладонь на плечо Кайона. В этом жесте не было утешения. Было лишь признание. — Ты сгорел сегодня, — тихо сказал магистр. — Это больно. Это воняет паленым мясом. Но ты не умер. Пепел — отличная почва, если знать, что на ней сеять.

Он убрал руку. — А теперь вытри сопли. У тебя через десять минут лекция по теории контрзаклинаний. И если ты пропустишь ее из-за разбитого сердца, я сам сожгу твою кровь. Чтобы ты спал на пепелище. Это будет соответствовать твоему статусу.

Мастер Дрейк развернулся и пошел прочь по коридору, его сапоги гулко били по камню, отсчитывая секунды.

Кайон остался один. Он посмотрел в окно. Дождь смывал с листьев последнюю зелень. Он поднес свои руки к лицу. Ладони всё еще помнили холод ее колец.

«Это невозможно». Кайон медленно выдохнул. Вчера он думал, что его путь — это путь клинка. Сегодня он понял, что клинок — это слишком просто. Клинок убивает быстро.

Белла не просто отказала ему. Она преподала урок. Самый жестокий урок из всех, что давал ему Дрейк. Она пока-

зала ему, что его пламя — это просто свет для их праздника. Развлечение. Экзотика. Но когда экзотика пытается занять место хозяина, ее выбрасывают на улицу.

Он оторвался от окна. Внутри него больше не было огня. Не было ярости. Не было того звенящего восторга, с которым он проснулся. Там была пустота. Холодная, звенящая, абсолютная пустота.

Кайон поправил сумку на плече и пошел в лекционный зал. Он шел сквозь дождь, который, казалось, лился теперь не с небес, а сквозь дыру в его собственной груди.

Урок по теории контрзаклинаний он просидел с идеально прямой спиной. Он отвечал на вопросы профессора так четко, что тот удивленно приподнял бровь. Кайон не пропустил ни единого слова. Он впитывал информацию о том, как гасить чужую магию, как обращать силу врага против него самого, как создавать пустоту, в которой тонет любое заклинание.

Он больше не был сыном пекаря. Он перестал быть и «феноменом». В ту дождливую осень, в Большом Зале Лекций, под смех аристократов, родился кто-то другой. Тот, кто понял, что если тебе «невозможно» принадлежать миру сверху, нужно сделать так, чтобы этот мир рухнул к твоим ногам.

И для этого одной лишь Искры, рвущейся наружу, было уже недостаточно. Нужен был лед. Бесконечный, мертвый лед, который он только что впитал в себя вместе с унижением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.